

К вопросу о расхождении в выводах при квалификации эмоциональных состояний (аффектов) в практике повторных КСППЭ

Исаева И.В., медицинский психолог, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (isaeva_ira_88@list.ru)

Макушкин Е.В., доктор медицинских наук, заместитель генерального директора по научной работе, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (eVm14@list.ru)

Хан В.Ч., судебно-психиатрический эксперт, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации

Горинов В.В., доктор медицинских наук, профессор, руководитель Отделения психогений и расстройств личности, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (victor-gorinov@yandex.ru)

В статье обозначена проблематика повторных комплексных психолого-психиатрических экспертиз после первичной квалификации состояния обвиняемого в момент правонарушения как состояния аффекта. Отмечены особенности работы специалистов при производстве данных экспертиз, обозначены трудности, с которыми сталкиваются психиатры и психологи, причины возможного несогласия с выводами предыдущих экспертов, необходимость учета их заключения при аргументации своего решения. Для иллюстрации затронутых проблем предоставлен подробный разбор случая повторной экспертизы, которая не подтверждает выводы первичной о квалификации состояния обвиняемого как кумулятивного аффекта. На основе проведённого анализа предложены дополнения к стандартной схеме проведения психологического исследования с оценкой картины эмоционального состояния по материалам дела и данным направленной беседы, учётom дополнительной

информации в материалах уголовного дела и особенностей предъявления подэкспертным самоотчета о своем состоянии.

Ключевые слова: аффект, комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, эмоциональное состояние, экспертная оценка.

Для цитаты:

Исаева И.В., Макушкин Е.В., Хан В.Ч., Горинов В.В. К вопросу о расхождении в выводах при квалификации эмоциональных состояний (аффектов) в практике повторных КСППЭ. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2017(7). № 2. С. 133-144. doi: 10.17759/psylaw.207070211

For citation:

Isaeva I.V., Makushkin E.V., Khan V. Ch., Gorinov V.V. Towards discrepancy in the conclusions of the evaluation of emotional states (affects) in the practice of further comprehensive forensic psychological and psychiatric examination. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017(7), no. 2. pp.133-144. doi: 10.17759/psylaw.2017070211

В практике судебной комплексной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) обвиняемых в убийстве или нанесении телесных повреждений как ранее, так и в настоящее время, несмотря на наличие четкой методологической базы и системы критериев экспертной оценки аффекта [4; 5], нередко встречаются случаи, когда у подэкспертных в рамках КСППЭ диагностируется состояние аффекта, вызывающее у судебно-следственных органов сомнения в его обоснованности и затем не подтверждающееся при проведении повторной экспертизы [6]. При этом в выводах повторной КСППЭ возможны объяснения состояния обвиняемого как врачами психиатрами, описывающими психопатологические механизмы (временное психотическое состояние, психопатическая реакция и т.д.), так и психологами в ходе психологического анализа ситуации [2]. В первую очередь состояние подэкспертного оценивается психиатром, так как уточненная медицинская документация может содержать сведения о наличии у него какого-либо психического расстройства, как хронического, так и временного. В ходе анализа материалов уголовного дела психиатры также, исключив временное психотическое расстройство, рассматривают состояние обвиняемого как сообразное или не сообразное феноменологии аффекта. По этой причине обсуждение материалов дела с врачом, а в последующем – результатов направленной беседы и эксперимента, является необходимым в экспертной работе психолога на любом этапе производства КСППЭ [1].

Изучение обоснования и выводов специалистов, квалифицировавших аффект и исключивших состояние аффекта впоследствии, показывает, что эксперты-психологи в обоих случаях опираются на единые критерии оценок юридически релевантных эмоциональных состояний, представления о трехфазной динамике протекания аффекта и феноменах, характерных для него. Однако это не является залогом тождественных друг другу выводов у разных экспертов в силу широкого диапазона возможной интерпретации и показаний свидетелей, и самоописания подэкспертного.

В основе решения о квалификации аффекта лежит ретроспективный психологический анализ поведения и эмоционального состояния подэкспертного в момент совершения инкриминируемого ему деяния. Базируется данный анализ, в первую очередь, на материалах уголовного дела, в частности – на показаниях очевидцев и потерпевших (если они имеются), самого обвиняемого [1; 3]. Однако в материалах уголовного дела имеются преимущественно формализованные данные, и акцент делается на фактической стороне события, сами же переживания обвиняемого представлены обычно скупо или вовсе не затрагиваются. Поэтому в процессе беседы о событиях правонарушения психолог часто получает дополнительные сведения, которые не знает, как интерпретировать – игнорировать их или же отдавать им приоритет. Неточное следование принципу совмещения объективной (материалы дела) и субъективной (данные беседы) составляющих при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы может привести к случаям гипо- и гипердиагностики аффекта.

Конкретный пример повторной комплексной экспертизы иллюстрирует вышесказанное.

Из материалов уголовного дела и медицинской документации известно следующее. Н. родился единственным ребенком в семье. Наследственность психопатологически не отягощена. Отец его был неоднократно судим. Ранее развитие протекало без особенностей. После смерти матери попал в детский дом, с трудом справлялся со школьной программой, интереса к учебе не проявлял, постоянно пропускал занятия, нарушал дисциплину. В связи с нарушениями поведения был госпитализирован в психиатрическую больницу, где проходил лечение, был выставлен диагноз: «Патохарактерологическое развитие личности неустойчивого типа». После окончания 8 класса подэкспертный поступил в техническое училище по специальности столяр-плотник. Параллельно обучался в 9 классе школы рабочей молодежи. Занимался спортом. С мест учебы в целом характеризуется спокойным, уравновешенным, пользующимся авторитетом соучеников, общительным. В 2000 г. подэкспертный привлекался к уголовной ответственности по ст. 158 УК РФ. В ходе следствия проходил амбулаторную КСППЭ в областной психиатрической больнице. Комиссия пришла к заключению, что он не обнаруживал признаков хронического психического расстройства, мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В том же году в отношении подэкспертного было возбуждено уголовное дело по ст. 111 ч. 4 УК РФ. По данному делу была проведена амбулаторная КСППЭ в той же больнице, где он вновь был признан психически здоровым. В 2006 г. был освобожден, проживал с отцом. От соседей поступало заявление о нарушении тишины в ночное время, привлекался к административной ответственности по ст. 8.4 КоАП. В круг общения входили лица ранее судимые. В дальнейшем он неоднократно привлекался к административной ответственности. С 2007 г. он работал в ОАО «Опытно-технологический завод» грузчиком, водителем-экспедитором. В коллективе показал себя с положительной стороны, был ответственным, трудолюбивым, честным, вежливым, оценивался как человек с высокими моральными принципами. Всегда вовремя приходил на работу, спиртное не употреблял. В 2008 г. женился, родилась дочь. В 2012 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 163 ч. 2 п. «а» УК РФ, проходил по данному делу экспертизу в областной психиатрической больнице. Экспертная комиссия пришла к заключению, что Н. обнаруживал отдельные черты эмоционально-волевой неустойчивости, мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Был осужден. В 2015 г. он второй раз женился. С места жительства

характеризовался с положительной стороны, был вежлив и внимателен с соседями. Согласно характеристике из ОМВД России по району от 27.07.2016 г., Н. по месту регистрации характеризовался отрицательно.

Как следует из материалов уголовного дела, примерно с лета 2015 г. между Н. и соседями И. и К. стали возникать конфликты по поводу содержания Н. собак крупной породы рядом с территорией домовладения И. и К. Зимой того же года Н. стал предъявлять К. и И. претензии, что они якобы отравили его собак, написал заявление в полицию, где также указал, что они подбросили записку, в которой содержались угрозы в его адрес. Потерпевшие отрицали свою причастность к произошедшему с собаками. В середине июля 2016 г. утром Н., зайдя на территорию домовладения соседей, нанес К. два удара ножом, а затем И. – множественные удары ножом в область грудной клетки, живота, шеи, верхних конечностей и поясничную область, от которых тот скончался на месте. Далее Н. уехал с места происшествия, совершив наезд на свидетеля Ю.

Потерпевшая К. показала, что в день произошедшего к ним пришел Н., поинтересовался, все ли у них нормально, сообщил, что у него умерла собака. При этом в поведении подэкспертного ничего странного потерпевшая не заметила, он говорил уверенно, решительно, четко и спокойно, признаков агрессии не проявлял. Когда калитка открылась, Н. сразу же прошел на территорию домовладения, подошел к ней, достал нож и нанес удар в область живота. Когда И. и К. побежали в дом, Н. нанес потерпевшей удар в область спины. Она выбежала на улицу, а Н. побежал за И. Выйдя на улицу, К. обернулась и увидела, что подэкспертный выбежал с территории домовладения и направился к своему автомобилю, сел и резко поехал вперед, совершив наезд на свидетеля Ю., который препятствовал его отъезду. После этого он уехал в неизвестном направлении. Она дополнила, что все указанные ей события произошли в короткий промежуток времени, не более 3-5 минут. На вопросы следователя потерпевшая сообщила, что вместе с И. пытались убежать от него и скрыться в доме. Они не угрожали ему, в руках каких-либо предметов, в том числе ножа, оружия не было. На конфликт подэкспертного они не провоцировали.

Свидетель С. добавила, что в день произошедшего около девяти утра, когда она вместе с Ш. проезжала мимо домовладения К. и И., калитка распахнулась и на улицу выбежала потерпевшая, которая кричала, звала на помощь. Следом выбежал Н., руки которого были в крови. Он побежал к своему дому. Ш. направил мотоблок в сторону Н. и остановился за автомобилем, перекрыв выезд. Н. быстро сел в машину, вывернул руль и начал движение вперед. В это время к нему бежал сосед по имени Ю., который хотел вытащить подэкспертного из машины. Но тот наехал на него и провез на капоте, потом резко затормозил, и Ю. упал на землю перед машиной. Н. попытался его объехать, но у него не получилось. Он проехал ему по ногам, резко прибавил газ и скрылся с места происшествия.

Во время допроса в качестве подозреваемого на вопросы следователя Н. пояснил, что желал давать показания, но не мог по состоянию здоровья ввиду причинения ему телесных повреждений сотрудниками полиции при задержании, а также из-за нарушений его процессуальных прав и обязанностей. В дальнейшем от дачи ответов отказывался в связи с тем, что его позиция не согласована с защитником. Во время ознакомления с постановлением о назначении ему амбулаторной КСППЭ Н. заявил, что перед производством экспертизы желает дать показания об обстоятельствах произошедшего и

просил предоставить ему время для консультации с защитником. В следующих своих показаниях он вину признавал частично. Сообщал, что с соседями возникали конфликты по разным бытовым причинам, характеризовал их с отрицательной стороны, как конфликтных людей. Указывал, что согласовал с И. строительство вольера. Рассказывал о неоднократных случаях отравления собак и найденной им записке с угрозами. В день произошедшего, по показаниям подэкспертного, супруга ему сообщила, что одна из собак мертва и лежит в вольере, от чего он сильно занервничал и решил съездить домой, чтобы убедиться в этом. По приезду он прошел к вольеру, где убедился в смерти собаки. Он очень сильно разволновался, застучало в висках, поднялся жар, затряслись руки и потекли слезы. В доме он умылся, но не успокоился. Тогда решил сходить к соседям, чтобы выяснить, с какой целью они отравили его собаку. Во дворе между ним и И. произошел словесный конфликт, в ходе которого они все отрицали. И. сказал, что сейчас застрелит Н. из ружья и побежал в сторону дома. Н. побежал следом за ним, при этом в какой-то момент достал из барсетки нож. Не помнил нанесение ударов К. Ближе ко входу в дом он догнал И. и нанес ему около 3-4 ударов в область тела. После этого развернулся и направился к своему автомобилю, который был припаркован рядом с калиткой его дома. При этом он находился в возбужденном состоянии, аналогичном описанному им ранее. Сообщал, что по дороге к автомобилю не видел К. и не слышал каких-либо криков о помощи. Он сразу запустил двигатель и поехал по направлению движения. Не помнил, чтобы ему кто-то в этом препятствовал, поскольку находился в расстроенных чувствах. Он доехал до дорожного знака с Ч., оставил автомобиль и побежал через лес. Внутренне состояние не изменилось. Он бежал до тех пор, пока не закончились силы. Затем он упал и стал вспоминать происходящие события, после чего встал и пошел на автомобильную дорогу, где на попутном транспорте доехал до одного из сел области. На уточняющие вопросы следователя о механизме нанесения ударов потерпевшим, о том, в какой одежде он находился, куда он положил нож, ссылаясь на забывчивость.

В ходе следствия Н. первично была проведена амбулаторная КСППЭ. О конфликтной ситуации с соседями он рассказывал аналогично своим показаниям, добавляя, что это был для него с супругой стресс. О ситуации правонарушения Н. сообщал, что в ответ на угрозу соседа внутри у него все перевернулось, он испытал обиду, после чего видел перед собой только соседей. Дальнейшее, по его словам, помнит «как в тумане», не помнит, как наносил удары К. Вспомнил, что наносил три удара ножом И., но как это делал и в какие части тела, сказать затруднялся. Голова при этом была пустая, мыслей не было. Потом захотелось отсюда уйти, сел в свою машину и уехал. Вокруг никого не видел. Сколько проехал, сказать затруднялся. Выйдя из машины, побежал и бежал, пока не почувствовал усталость.

При психологическом анализе психолог выявил: как следует из материалов уголовного дела, в том числе показаний свидетелей, между подэкспертным и потерпевшими существовали длительные конфликтные отношения, которые носили психотравмирующий характер для подэкспертного. В период времени, непосредственно предшествующий агрессивным действиям, возникла очередная психотравмирующая ситуация. В данное время поведение подэкспертного было совладающим. Однако наличие последующего конфликта с потерпевшими привело к аффективному взрыву в виде агрессивных действий. Психолог отмечает наличие у подэкспертного субъективной внезапности возникновения аффективного взрыва. Обоснование заключается в том, что сознание у него в этот момент было заполнено эмоционально насыщенными переживаниями обиды, отличалось фиксацией на аффектогенном объекте (потерпевших); суженность сознания проявлялась в

резком ограничении поля восприятия. В данный период, по мнению психолога, у подэкспертного нарушилась способность к осмыслению и оценке ситуации, ухудшилось качество контроля за своими действиями и прогноз возможных последствий, что проявилось в его агрессивных действиях с характерными множественными ударами, произведенными в быстрой последовательности за короткий промежуток времени. Экспертом-психологом отмечена характерная неполнота и фрагментарность восприятия с элементами искаженного восприятия. Последующее поведение было квалифицировано как недостаточно целенаправленное, характеризовавшееся явлениями психического и физического истощения. Таким образом, психолог пришел к заключению, что в исследуемый период времени Н. находился в состоянии физиологического аффекта с типичным трехфазным течением с предшествовавшей фазой кумуляции (накопления) эмоционального напряжения, фазой аффективного взрыва с аффективно суженным сознанием, изменением восприятия (его фрагментарностью), характерными множественными стереотипными ударами, произведенными в быстрой последовательности за короткий промежуток времени и последующим состоянием астении (истощения).

Согласно постановлению о назначении повторной, стационарной комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы, у следствия возникли сомнения в обоснованности заключения эксперта-психолога, «поскольку смерть собаки и неприязненные отношения в быту с соседями не могли создать длительную психотравмирующую ситуацию, которая могла послужить внезапному аффективному взрыву» у последнего. У следствия есть основания полагать, что Н. совершил указанные преступления, осознавая общественную опасность своих действий и предвидя возможность наступления последствий в виде смерти И. и К., и желал их наступления, поскольку совершал последовательные и осознанные действия, выразившиеся в том, что он перед причинением телесных повреждений К. и И. заранее приготовил орудие преступления – нож, и нанес им удары К. Причинив телесные повреждения К., стал преследовать И. и, настигнув его, нанес потерпевшему множественные удары ножом в различные области тела. Доведя свой преступный умысел до конца, Н. скрылся с места происшествия, совершив наезд автомобилем наезд на свидетеля, который этому препятствовал. Сразу после этого Н. избавился от орудия преступления.

При настоящем обследовании подэкспертный охотно вступал в контакт, на вопросы отвечал избирательно. В беседе часто сам переходил на обсуждение темы взаимоотношений с потерпевшими, при этом проявлялись аффективные реакции, он становился раздражительным, периодически использовал нецензурную лексику. В отделении был упорядочен, общался с другими подэкспертными, выборочно занимал себя просмотром телевизионных передач, режим не нарушал. Мышление оценивалось ближе к конкретному, без структурных нарушений. Эмоциональные реакции были неустойчивые. Высказывания носили внешнеобвиняющий характер. Интеллектуально-мнестические способности были сохранены. Острой продуктивной психопатологической симптоматики не выявлялось. Критика была сохранена. При экспериментально-психологическом исследовании (ЭПИ) выявлялись следующие индивидуально-психологические особенности (ИПО): эгоцентричность личностной позиции, приоритет собственных потребностей и интересов, претенциозность, высокие самолюбие и самооценка, стремление к доминированию, нетерпимость к противодействию, давлению со стороны, эмоциональная неустойчивость, вспыльчивость, раздражительность при достаточном самоконтроле поведения. Отмечалось

сочетание указанных ИПО с высокой чувствительностью в отношении собственной личности, к ситуациям и обстоятельствам, уязвляющим его самолюбие, со склонностью к фиксации на негативных сторонах происходящего, обидчивостью, внешнеобвиняющей позицией в проблемных и конфликтных ситуациях, убежденностью в правильности своих взглядов и позиции, требовательностью к другим, их соответствию имеющейся у подэкспертного системе представлений и ожиданий, нетерпимостью обратного.

В беседе с психологом Н. рассказал, что отношения с потерпевшими изначально не были конфликтными, однако стали таковыми, когда подэкспертный установил вольер для животных. Упоминает случай, когда обе его собаки были отравлены, и он был вынужден обратиться за ветеринарной помощью, при этом он сделал вывод, что в этом виноваты потерпевшие. Однако после произошедшего решил вольер никуда не переносить, имел право размещать его в любом месте: «Где хотим, там и размещаем». С декабря 2015 г. по июль 2016 г., по словам подэкспертного, его переживания стали менее выраженными: «Улеглось немного. И я уже забыл переживания». В день произошедшего подэкспертный от жены узнал, что одна из их собак «лежит мертвая в вольере», в ответ на что он испытал волнение, жалость к собаке, решил поехать домой, чтобы проверить ее состояние. К приезду убедился, что собака мертва, дальнейшее свое состояние описывает как жалость к собаке, при этом подчеркивает, что не мог успокоиться, специально пошел в дом, чтобы умыться, настойчиво и неоднократно акцентирует внимание собеседника на том, что у него застучало в висках и затряслись руки. Далее пошел к соседям, чтобы узнать, за что они убили собаку. Сообщает, что соседи не признавали своей вины, после чего начался словесный конфликт. Подробности данного разговора подэкспертный описать затрудняется, ссылаясь на забывчивость, которое объясняет своим взволнованным состоянием. Передает, что потерпевший сказал: «Я тебя сейчас завалю» и побежал к дому. Обследуемый не поясняет, зачем он побежал следом за соседом, а также не передает, какие испытывал в тот момент переживания. Сообщает, что не помнит, чтобы наносил удары соседке: «Она меня не интересовала. Передо мной стоял И.»; рассказывает, как догнал потерпевшего и нанес ему три-четыре удара, после чего развернулся, пошел к машине и уехал, бросил машину, побежал через поле, пока не почувствовал усталость.

Психологический анализ материалов уголовного дела и данные направленной беседы с подэкспертным показали, что в период времени, предшествующий инкриминируемым подэкспертному деяниям, между ним и потерпевшими сложились конфликтные отношения. Несмотря на формирование комплекса негативных переживаний по отношению к потерпевшим, кумуляции эмоционального напряжения в ситуации не происходило. В случаях же возобновления конфликтов возникающее эмоциональное напряжение находило разрядку, в том числе в форме вербальной агрессии. Возникшее в момент обнаружения смерти собаки эмоциональное возбуждение сопровождалось соответствующими переживаниям вегетативными проявлениями, однако оно не достигало степени, приводящей к дисрегуляции поведения. Отсутствовали субъективно внезапные изменения психической деятельности со специфической феноменологией изменений сознания, восприятия и регуляции деятельности. Н. был достаточно включен в ситуацию конфликта, способен к оценке ее внешних параметров, отмечались переключения его внимания. Действия Н. в момент нанесения ножевых ранений потерпевшим не были стереотипными, сопровождалась активными перемещениями по дому и домовладению (на что указывает факт нанесения ударов нескольким потерпевшим, в разные части тела). Ссылки Н. на забывчивость отдельных моментов, предшествующих агрессивным действиям, в процессе

их нанесения и после, не являются достаточным основанием для квалификации состояния аффекта, а учитываются в совокупности с иными феноменологическими критериями. После совершения агрессивных действий не отмечалось явлений постаффективной астении. Напротив, исходя из самоописания Н. в его показаниях, после нанесения ножевых ранений потерпевшим он находился «в возбужденном состоянии»; согласно данным направленной психологической беседы, усталость он почувствовал, только когда «побежал через поле», уже уехав с места правонарушения. Действия его были целенаправленными, в них не отмечалась дезорганизация, он осмыслил произошедшее и действовал в соответствии с обстановкой, оценивал поведение окружающих.

Комиссия пришла к заключению, что Н. хроническим психическим расстройством, слабоумием, иным болезненным состоянием психики, лишавшими бы его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, в период, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, не страдал и не страдает таковыми в настоящее время. У него имеются акцентуированные личностные черты в виде отдельных проявлений эмоциональной неустойчивости, раздражительности, обидчивости, эгоцентризма, застревания на отрицательно-окрашенных переживаниях. В период, относящийся к инкриминируемым ему деяниям, Н. не обнаруживал признаков какого-либо временного психического расстройства. Проведенный психологический анализ позволил сделать вывод о том, что в момент совершения правонарушения Н. не находился в состоянии аффекта, а также каком-либо другом экспертно значимом эмоциональном состоянии. Отмечаемое у него в момент совершения инкриминируемых деяний состояние эмоционального возбуждения не приводило к дисрегуляции деятельности и не оказывало существенного влияния на его поведение.

На примере проанализированного выше случая можно выделить ряд проблемных зон экспертной работы, от которых зависит итоговый вывод об эмоциональном состоянии обвиняемого в исследуемый период времени.

Без учета всех имеющихся в деле показаний оценка поведения обвиняемого в момент правонарушения окажется односторонней и будет сопровождаться недоучетом важных свидетельств о сохранности или, напротив, ограниченности способности подэкспертного к оценке, прогнозу, регуляции своей деятельности. Желание достичь такой цели как выяснение и квалификация эмоциональных переживаний субъекта наиболее простым и прямым путем, то есть путем только направленной беседы, может привести к формированию необъективного мнения в отношении показаний участников уголовного дела и фактов, приведённых в нем. Также стоит отметить, что, несмотря на наличие устойчивого алгоритма экспертного обследования и системы критериев оценки юридически релевантных эмоциональных состояний, их постоянное уточнение и систематизацию, эксперты порой склоняются к их субъективной трактовке, особенно в случае выявления реального конфликта и эмоционального возбуждения у подэкспертного. Игнорирование методологического принципа проведения психологического ретроспективного анализа с первостепенной опорой на материалы уголовного дела чревато риском неверного толкования феноменологии эмоционального состояния обвиняемого в экспертно значимый период времени, что, в свою очередь, ведет к ошибочному экспертному выводу и необходимости повторной экспертизы.

На основании описанных нюансов повторных КСППЭ эмоциональных состояний видится целесообразным дополнить разработанный алгоритм психологического исследования следующими шагами.

1. На этапе уяснения фабулы дела стоит особое внимание уделить пополнившим материалы уголовного дела уже после предыдущей экспертизы показаниям, допросам, в том числе и в ходе судебных заседаний, в которых содержится информация о поведении потерпевшего и обвиняемого, а также состоянии последнего в исследуемый промежуток времени. Часто данная информация собирается по рекомендации учреждения, производившего первичную КСППЭ, а следовательно – является значимой для полного понимания картины происшедшего в момент правонарушения.

2. Также вероятно появление новых сведений, характеризующих подэкспертного, что в ходе психологического анализа его индивидуально-психологических особенностей по материалам уголовного дела может повлиять на целостную диагностику личности обследуемого в целом.

3. В ходе психологического ретроспективного анализа динамики психического состояния и психической деятельности подэкспертного по материалам дела картина динамики эмоционального состояния строится целостно, с учетом вновь и недавно приобщенных материалов. Установленную картину целесообразно сравнить с описанной психологами-экспертами в рамках первичной экспертизы психологическим анализом.

4. При выявлении индивидуально-психологических особенностей подэкспертного путем ЭПИ, напротив, не стоит опираться на заключение других экспертов, а интерпретировать данные методик и направленной беседы максимально объективно и независимо.

5. На этапах сопоставления данных, полученных при исследовании материалов уголовного дела с данными беседы, наблюдения и результатов ЭПИ, а также анализа взаимодействия личности подэкспертного с юридически значимой ситуацией не стоит забывать о такой особенности повторных экспертиз как научение подэкспертного и формирование устойчивых защитных тенденций. Нельзя отрицать факт того, что влияние определения состояния аффекта на вероятность квалификации привилегированного состава преступления является в большинстве случаев желательным для субъекта преступления. Это, в свою очередь, влияет на характер предъявляемой им информации. В данном случае стоит говорить не только о целенаправленном предъявлении искажённого отчета о своих переживаниях, но и о подсознательной переработке опыта. Это обстоятельство осложняет процедуру экспертного исследования, затрудняет работу психиатров и психологов, приводит к возможным случаям, когда картины психического и эмоционального состояния подэкспертного в материалах уголовного дела, на первичной и на повторной экспертизе существенно разнятся между собой. Вследствие этого возникает необходимость привлекать к повторной экспертизе опытных специалистов, имеющих опыт многократного участия в подобных экспертизах. Особое внимание в процессе беседы с подэкспертным может быть обращено на индивидуалистичность передаваемых переживаний и ощущений, их нешаблонность.

6. Поскольку наличие в деле двух экспертных заключений, содержащих взаимоисключающие выводы, является поводом для назначения еще одной экспертизы, в обосновании своего решения стоит дать обязательную квалификацию всем переживаниям и действиям подэкспертного, которые оценивались предыдущими экспертами как проявления, характерные для состояния аффекта.

Получив взаимоисключающие результаты двух независимых экспертиз, суд вправе воспользоваться заключением экспертов, чьи выводы наиболее полно, последовательно и аргументированно представлены, либо назначить производство еще одной повторной КСПЭ.

Литература

1. *Кудрявцев И.А.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1999.
2. *Морозова М.В., Савина О.Ф., Сафуанов Ф.С., Ткаченко А.А.* К вопросу дифференциации и экспертной оценки эмоциональных состояний // *Российский психиатрический журнал*. 2014. № 5. С. 38–46.
3. *Сафуанов Ф.С.* Судебно-психологическая экспертиза: Учебник для академического бакалавриата. М., 2014.
4. *Сафуанов Ф.С., Дозорцева Е.Г., Печерникова Т.П., Шишков С.Н., Сулимовская Е.И.* Судебно-психологические экспертные критерии диагностики аффекта у обвиняемого: Пособие для врачей. Москва, 2004.
5. *Сафуанов Ф.С., Савина О.Ф., Морозова М.В., Исаева И.В.* Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: Методические рекомендации. М., 2016.
6. *Аффект: Практика судебной психолого-психиатрической экспертизы. Хрестоматия / Авторы-составители: Сафуанов Ф.С., Макушкин Е.В.* М., 2013.

Towards discrepancy in the conclusions of the evaluation of emotional states (affects) in the practice of further comprehensive forensic psychological and psychiatric examination

Isaeva I. V., medical psychologist, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (isaeva_ira_88@list.ru)

Makushkin E. V., Doctor, Professor, Deputy General Director on scientific work, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (eVm14@list.ru)

Khan V.Ch., forensic psychiatric expert, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Gorinov V. V., Doctor, Professor, Head of Department of psychogenic and personality disorders, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (victor-gorinov@yandex.ru)

The article represents problems of secondary comprehensive forensic psychological and psychiatric examination after initial assessment of the accused being in the state of affect during the act of offence. Features of expert work in conducting these examinations, the difficulties faced by psychiatrists and psychologists, reasons for possible disagreement with the conclusions of the previous experts, the need to take into account their conclusions in the argumentation of their decision were noted.

To illustrate the problems mentioned, a case study of secondary examination, which does not confirms the conclusions of the primary examination in regard to the qualification of the accused's emotional state as cumulative affect, is provided.

On the basis of the analysis some additions were suggested to the standard scheme of psychological research with an assessment of the picture of the emotional state according to the materials of the criminal case and the clinical interview, accounting additional information in materials of criminal case and specifics of accused's self-description presentation.

Key words: affect, expert assessment, comprehensive forensic psychological and psychiatric

examination, emotional state.

References

1. Kudryavtsev I.A. Kompleksnaya sudebnaya psikhologo-psikhiatricheskaya ekspertiza [Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination]. Moscow, 1999.
2. Morozova M.V., Savina O.F., Safuanov F.S., Tkachenko A.A. K voprosu differentsiatsii i ekspertnoi otsenki emotsional'nykh sostoyanii [Towards differentiation and expert assessment of emotional states]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of psychiatry]*. 2014. № 5. Pp. 38-46.
3. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza: Uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata [Forensic psychological examination: Training aids for academic baccalaureate]. Moscow, 2014.
4. Safuanov F.S., Dozortseva E.G., Pechernikova T.P., Shishkov S.N., Sulimovskaya E.I. Sudebno-psikhologicheskie ekspertnye kriterii diagnostiki affekta u obvinyaemogo: Posobie dlya vrachei [Forensic psychological expert criteria for diagnostics affect of accused: A manual for medical]. Moscow, 2004.
5. Safuanov F.S., Savina O.F., Morozova M.V., Isaeva I.V. Kriterii sudebno-psikhologicheskoi ekspertnoi otsenki yuridicheski relevantnykh emotsional'nykh sostoyanii u obvinyaemykh: Metodicheskie rekomendatsii [Criteria of Forensic psychological expert assessment of legally relevant of emotional states of accused: Guidelines]. Moscow, 2004.
6. Affekt: Praktika sudebnoi psikhologo-psikhiatricheskoi ekspertizy. Khrestomatiya [Affect: Practice forensic psychological and psychiatric examination. Chrestomathy]. Safuanov F.S., Makushkin E.V. Moscow, 2013.